

INSPIRIA

ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Она
дарит
любовь...

18+

АННА-ЛУ УЭЗЕРЛИ

INSPIRIA

Анна-Лу Уэзерли

Черное сердце

Серия «Ток. Внутри убийцы.
Триллеры о психологах-профайлерах»
Серия «Детектив Дэн Райли», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73896792
ISBN 978-5-04-246802-5

Аннотация

Высоко оцененный критиками триллер об убийце-психопатке. Идеально для поклонников «Внутри убийцы».

Она дарит любовь. Но взамен забирает жизнь...

В пентхаусе роскошного лондонского отеля обнаружен труп успешного банкира Найджела Бакстера. Полная ванна крови, порезы на руках, нет следов насилия – на первый взгляд, самоубийство. За дело берется опытный детектив Дэниел Райли. Он быстро понимает: что-то не сходится. Слишком чисто, слишком красиво... и слишком много мелочей, которые будто оставлены нарочно. Убийство шито белыми нитками – и явно женскими руками.

На камерах видеонаблюдения запечатлена платиновая блондинка, лицо которой скрыто. Ни одного внятного фото,

лишь интимная переписка и благодарности за дорогие подарки. Из расшифрованных сообщений Бакстера на сайте знакомств с эскортницами Райли узнает ее прозвище – Златовласка. Убитого клиента она называла Папа-Медведь. Райли вынужден признать, что имеет дело с серийной убийцей, которая собирает своего рода «сказочную семью», и лишь он способен предотвратить новые убийства, если блондинка не окажется хитрее...

«Черт возьми! Дайте мне минутку, чтобы поднять челюсть с пола. Это совершенно потрясающее начало серии о Дэне Райли. В "Черном сердце" есть все... Роман зацепил меня с начала и держал до конца... Захватывающий, невероятный и вызывающий привыкание». – Novel Deelights

«Я пролистывала страницы, отчаянно пытаюсь добраться до следующей главы... В итоге я прочитала все за один присест». – It's All About the Books

«Блестящая книга! Удивительные психологические повороты, которые продолжают вплоть до последней страницы. Я даже прослезилась... Честно говоря, не могу дождаться продолжения». – Goodreads

«Ух ты!.. Мне захотелось еще, что, на мой взгляд, является признаком отличной книги!.. Выдающаяся!» – Goodreads

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна-Лу Уэзерли

Черное сердце

Anna-Lou Weatherley

BLACK HEART (Detective Dan Riley #1)

This edition is published by arrangement with Darley Anderson and Associates Ltd and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Евгения Никитина*

© Никитин Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

Полу, навсегда х¹

Время нельзя ни объяснить, ни предугадать. Оно просто есть. Рассмотрите его миг за мигом – и вы

¹ Символ х в конце текстового сообщения означает поцелуй. – *Здесь и далее прим. пер.*

поймете, что мы просто насекомые в янтаре².
Курт Воннегут

² Цитата из романа Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (перевод Риты Райт-Ковалевой).

Глава 1

Она толкнула вращающиеся двери, и цоканье шпилек разнеслось по роскошному вестибюлю отеля. Многолюдно. Это замечательно. Ее взгляд метнулся от портье, стоявшего за блестящей дугообразной стойкой регистрации, к группкам толпившихся вокруг разодетых японских туристов, бизнесменов и богачей. За их спинами громоздился багаж – дизайнерские саквояжи и чемоданы. Она идеально спланировала момент. В «Ла Реймонд», одном из самых престижных пятизвездочных отелей Найтсбриджа³, допускался поздний выезд – разумеется, за дополнительную плату, но таких ВИП-клиентов это не волновало. Так что она оставалась практически незаметной среди всеобщей суеты.

К тому же на улице сильный дождь, что тоже на руку: в такую сырость люди всегда озабочены тем, как бы не испортить прически и дорогие костюмы. Она смахнула несколько дождевых капель с плечиков плаща с поднятым воротником от «Бёрберри»⁴ и направилась прямо к лифтам, сосредоточившись на том, чтобы не поскользнуться на мокром мраморном полу: в таких условиях лакированные туфли на шпильках – вещь коварная.

³ Престижный район Центрального Лондона.

⁴ Британский премиальный бренд одежды.

Она вошла в лифт, одарила пассажиров короткой улыбкой, прежде чем повернуться к ним спиной, пробраться на третий этаж и подняться еще на два лестничных пролета до пятого. Номер 106, пентхаус. Она позвонила и услышала за дверью движение мощного тела.

– Привет, Папа-Медведь⁵. – Она вошла в номер, швырнула сумку на огромную круглую кровать и распахнула плащ. И сразу заметила «магнум»⁶ во льду, а на одной из пышных подушек – перевязанную белой ленточкой маленькую голубую коробочку от «Тиффани»⁷ в форме утиного яйца. По 60-дюймовому телевизору с плоским экраном приглушенно шла какая-то порнушка. Она почти одновременно сбросила плащ и тонкое черное платье на бретельках на обтянутый шелком шезлонг, составлявший с другим такую же изысканную пару.

– Ну, привет, Златовласка. – Он вытаращил глаза на ее дорогое белье, которое сам же и выбрал в магазине «Ажан Провокатёр»⁸ специально для сегодняшней встречи. – Выглядишь потрясающе.

Она поправила чулок.

– Должна сказать, отличный выбор. – Она любовалась

⁵ На интернет-сленге так называют старшего по возрасту, большого мужчину, который ведет себя по-отечески заботливо.

⁶ Используемая во Франции разновидность бутылки шампанского емкостью 1,5 литра.

⁷ Американский бренд дорогих ювелирных украшений.

⁸ Agent Provocateur – популярный бренд дорогого нижнего белья.

своим отражением в большом напольном зеркале. – Мне особенно нравится, как баска облегает талию, а эти трусики-уверты...⁹ – Она искоса взглянула на него. – Грязный, мерзкий, плохой Папа-Медведь. – Она посмотрела, как он с ухмылкой развалился на кровати. Тяжелое тело впечаталось в тонкие простыни. Мужчина был полуобнажен, живот выпирал над обтягивающими трусами. – Сними их.

Он тут же радостно подчинился.

– Шампанского? – Он потянулся за бутылкой. – У меня для тебя подарочек.

– Потом. – Она толкнула его обратно на кровать и оседлала. – М-м-м-м, Папа-Медведь, уже такой твердый. – Она закрыла глаза и тихонько застонала, опускаясь на него.

– Только для тебя, мой ангел, все только для тебя.

Она со смехом запрокинула голову и начала жестко наслаиваться на него.

Он чувствовал себя как на батуте.

– Детка, детка, притормози, я хочу... я собираюсь...

Слишком поздно.

Она взглянула на его круглое лицо, с которого постепенно сходило выражение экстаза вслед за почти мгновенным оргазмом: на лбу блестели капельки нездорового пота.

– Прости, – она пожала плечами, – я просто очень сильно тебя хотела.

Он чуть не замурлыкал от удовольствия: его самооценка

⁹ Самая откровенная модель женских трусов.

увеличивалась почти так же стремительно, как уменьшалась эрекция.

– Ты... ты – нечто особенное. Ты знаешь об этом, Златовласка?

Она улыбнулась: все получилось.

– Может, выпьем шампанского в ванной?

Она слезла с него и проскользнула в ванную комнату. Впечатляюще, подумала она при виде большого встроенного джакузи с золотыми кранами. Открыла горячую воду, внимательно изучила ассортимент дорогих средств для ухода за телом, поколебалась между маслом для ванн «Джо Мелоун»¹⁰ с лаймом, базиликом и мандарином и «Л’Окситан» с инжиром и в итоге остановила выбор на первом. И, что-то напевая, начала выливать сладкую ароматную жидкость в текущую воду.

– Ну же, Медведь, где шампанское? – крикнула она в сторону спальни, изучая свое отражение в зеркальном кафеле. На ней все еще оставались баска и подтяжки для чулок, и она начала их снимать, устроив дразнящее шоу перед зеркалом, пока не осталась совсем обнаженной.

– Температура что надо, – заметила она, когда он неуклюже прошлепал в ванную – голый, если не считать ведерка со льдом и «магнума» в руках.

Он разлил по бокалам охлажденное шампанское.

– М-м-м, божественно, – промурлыкала она, – шампан-

¹⁰ Популярный британский бренд парфюмерии.

ское в ванне – это так по-декадентски.

Она убрала повыше светлые волосы, закрепила заколкой с зажимом-бульдогом и осторожно, чтобы не намочить их, опустилась в ванну.

– Ну что, ты залезаешь, Папа-Медведь?

Мясистая туша неуклюже погрузилась рядом. Уровень воды резко поднялся.

Она откинулась назад, положила ноги на его выступающий живот как на подушку и пошевелила напедикюрными пальчиками, слегка хихикая и потягивая напиток.

– Знаю-знаю, мне надо сбросить *это* в спортзале. – Он неловко потрогал излишки выпирающей плоти. – Я как раз собирался, – извиняющимся тоном добавил он, доставая шоколадные трюфели «Шарбоннель и Уокер» из коробочки, прилагавшейся к «магнуму». *Те самые, что она заказывала.* Отправил одну конфету в рот, а другую протянул ей.

– Это не для меня, милый. – Она сморщила носик. – Нужно следить за фигурой.

– Ты что, шутишь? Ты само совершенство.

– Совершенство для тебя, Папа-Медведь.

Он рассмеялся как одурманенный, не в силах отвести от нее глаз. Кончики ее темных сосков то выступали над водой, то опять ныряли, дразня его.

Ее пальцы ног спустились ниже по его животу.

– Написал записку? – поинтересовалась она приторным голоском.

Он проглотил еще один трюфель.

– Записку? – На секунду он растерялся. – А, да-да, она у меня в кейсе.

Она похотливо улыбнулась, массируя его пальцами ног в интимных местах и соблазняя взглядом.

– Мой милый, дорогой Папа-Медведь. – Она наблюдала, как его голова начала понемногу клониться на плечи, а веки отяжелели.

– Боже, я чувствую слабость, – вдруг громко вздохнул он, – и меня слегка мутит. – Он заворочался, пытаясь избавиться от неприятного ощущения, вода плескалась по бокам.

– Наверное, ты перенапрягся. Нужно немного вздремнуть, – предложила она. – Прийти в себя перед потрясающим концом.

– Концом?

Она взяла влажное фланелевое полотенце.

– Дай-ка вытру тебе лицо, ты весь в шоколадной крошке...

Она неодобрительно шикнула на него, как на ребенка. Встала на колени, прильнула к нему всем телом и прижала полотенце к его рту. На долю секунды его глаза расширились, но приступ дурноты подкосил рефлексy, и он не сумел поднять руку. Попытался что-то сказать – голос прозвучал глухо.

– Что такое, Папа-Медведь? Боюсь, я не понимаю.

Он вцепился в ее руку, по-прежнему пытаясь что-то выговорить, но получалось все медленнее, невнятнее и бессвяз-

нее.

Она подмигнула, с улыбкой глядя ему прямо в глаза:

– Спокойной ночи, Папа-Медведь. Сладких снов.

Его голова с глухим стуком ударилась о керамическую ванну, откинувшись на плечи.

Вырубился. Ну наконец-то.

Она со вздохом забрала у него бокал с шампанским. Его рука почти комично свесилась с края ванны, и ей пришлось сдержаться, чтобы не расхохотаться. Но скоро стало не до смеха: он постепенно начал тонуть. Она рассчитывала, что этого не случится из-за его огромных габаритов, и почувствовала раздражение. Все из-за скользкого масла для ванны.

– О нет, только не это. Большой жирный долбаный Медведь.

Она выскочила из ванны, встала у него за спиной и попыталась поднять за подмышки. Это оказалось нелегко: мужчина мертвым грузом откинулся на спину и все время соскальзывал обратно в ванну. Она выругалась про себя, сдернула с вешалки одно из пушистых белых полотенец и сунула ему под спину. Это помогло удерживать его в вертикальном положении, но она понимала: нужно торопиться.

– А теперь побудь здесь, Папа-Медведь, я сейчас вернусь.

Голая и по-прежнему мокрая, она метнулась в спальню, чтобы взять необходимое; пока она рылась в большой сумке, адреналин уже зашкаливал. Затем вернулась в ванную, взяла

его за руку и одним взмахом сделала глубокий разрез вдоль запястья. Из раны тут же хлынул фонтан ярко-красной артериальной крови. Она отшатнулась, но недостаточно быстро: кровавые брызги попали на лицо и грудь. *Твою мать!* Словно загипнотизированная, она наблюдала, как кровь вытекает из главной артерии, образуя большую лужу на блестящем белом мраморном полу. Потом быстро взяла другое запястье и повторила процедуру. Фонтан получился не таким сильным, как в первый раз, но этого и следовало ожидать: он уже истек кровью. Она отодвинулась, чтобы оценить свою работу, и наблюдала, как из него уходит жизнь. Вода в ванне из розовой стала ярко-красной, как краска.

Через несколько секунд второй прилив адреналина вывел ее из транса, она оглядела себя и недовольно фыркнула. Ну и видок! Схватила с бортика ванны фланелевое полотенце и прополоскала под краном, наблюдая за покачивающимися над водой пальцами его ног. Убедилась, что на ней не осталось следов крови, и спустила в унитаз фланель с завернутым бритвенным лезвием. Затем обогнула кровавую лужу и уже собралась выйти из ванной, но перед этим бросила прощальный взгляд на дело рук своих. И подумала, что отсюда, из дверного проема, все выглядит еще более впечатляюще, почти кинематографично. Его кровь разбрызгалась по зеркальным плиткам, медленно стекала на край ванны и обратно в воду. Поразительно, какая у него бледная кожа на фоне

ярко-рубиновой крови. Вздувшийся живот торчал наружу, едва различимые гениталии плавно колыхались под водой. Голова запрокинулась под неестественным углом, как будто шея сломана; глаза широко распахнуты, в них застыло выражение отчаяния, словно их обладатель каким-то образом все понял. Конечно, он мертв. Воистину прекрасная, даже возвышенная картина. Она наклонила голову под тем же углом, как у него, чтобы подольше насладиться моментом.

Вернувшись в спальню, она хотела было заказать доставку еды в номер, но передумала. Лучше обойтись без дополнительных следов ДНК, которые придется заметать. По дороге домой купит изысканный бургер – из тех, которые ей так нравились в новой закусочной рядом с домом.

Она налила себе еще один бокал шампанского и достала из сумки одежду – черные просторные брюки, футболку «Адидас», шапку-бини, байкерские ботинки, бомбер цвета хаки. Неторопливо оделась, сложила платье и плащ вместе с туфлями на шпильках в сумку, снова нанесла макияж – «смоки айс»¹¹ и ярко-красные губы, – как ей казалось, в стиле панк. Помада под цвет воды в ванне. Затем собрала волосы на макушке, надела темный парик до плеч и поправила перед зеркалом, прежде чем натянуть сверху шапку.

«Неплохо», – похвалила она отражение, восхищенная своим полным преображением. Сделала еще глоток шампан-

¹¹ Техника макияжа глаз с плавным переходом от темного оттенка к светлому, в результате чего получается эффект дымки.

ского, нашла в модно обставленной кухонной зоне сухую тряпку, натянула резиновые перчатки и начала протирать все поверхности, используя принесенную с собой банку «Мистера Шина»¹² и напевая старую композицию «Оазиса»¹³, название которой так и не вспомнила. Этот запах напомнил ей дом матери.

Когда с тщательной уборкой было покончено, она открыла приготовленный ей подарок.

– Хм-м-м. – Она достала из коробочки серьги от «Тиффани», поднесла одну к свету и оценивающе взглянула, как украшение поблескивает между большим и указательным пальцами. – Очень мило, спасибо, Папа-Медведь. – Она вынула из ушей маленькие золотые сережки-кольца, вставила бриллиантовые, улыбнулась отражению в зеркале и откинула волосы, чтобы получше рассмотреть. Допила бокал, налила еще половину, аккуратно обернув бутылку салфеткой, и обошла пентхаус – проверить, не осталось ли следов Златовласки. Она действовала очень осторожно, стараясь не трогать лишнего: скрупулезность в таком деле важна. Нельзя для кого-то оставлять улики. Осмотрела основное помещение и заглянула в ванную. Она не пользовалась туалетом, не вытиралась полотенцем, а фланелевое полотенце и бритвенное лезвие спустила в унитаз. Однако на всякий случай тоже протерла здесь все поверхности, особенно раковину, в кото-

¹² Бренд чистящих средств.

¹³ Британская рок-группа.

рой умывалась. Осмотрела пол в поисках каких-нибудь волосков, чешуек лака для ногтей, ворсинок и тому подобного и осталась довольна: ни малейших следов.

Присела на краешек ванны и еще раз посмотрела на него. Кровотечение прекратилось, пухлая левая рука безжизненно свесилась через край ванны, другая погрузилась в красную жидкость.

Кровь на запястье и на кисти уже запеклась, открытая рана потемнела до цвета баклажана. Его глаза были по-прежнему открыты, и на долю секунды она подумала, не закрыть ли их в качестве последнего жеста доброй воли и благодарности за подарок. Но здравый смысл подсказывал: не надо. И все же она была рада, что он не мучился. Его организм вырубился довольно быстро из-за мышьяка, который он проглотил вместе с шоколадными трюфелями. Ах да, шоколадки! Она взяла маленькую коробочку в форме сердца. Из шести трюфелей остались только два. *Прожорливый, ненасытный Папа-Медведь*. Она достала две последние конфеты, обернула туалетной бумагой, смыла в унитаз и снова опустила коробочку на пол.

Допив остатки шампанского, отнесла бокал на кухню, тщательно вымыла горячей водой с мылом, вытерла кухонным полотенцем и поставила назад в ведро со льдом рядом с недопитой бутылкой. Какое расточительство, вздохнула она. Может, по дороге домой купить что-нибудь еще кроме изысканного бургера. И вспомнила про бумажник и

начала искать. Он нашелся на прикроватном столике рядом с «ролексами». Открыла и обнаружила там почти пятьсот фунтов наличными. Взяла двести тридцать, а остальное оставила. Они так и договаривались, значит, это точно не воровство. Теперь кейс. Он сразу же открылся с приятным щелчком. В эту секунду она и вправду почувствовала к нему что-то похожее на любовь: на взлом кодового замка потребовалось бы время, но возиться не понадобилось. *Заботливый Папа-Медведь*. Она порылась в его бумагах и через несколько секунд нашла нужную.

Записка от руки на плотной бумаге, как она и просила. Она достала бумагу из кейса вместе с модной серебристой шариковой ручкой. Босиком прошлепала в ванную, небрежно взяла его за руку, вложила ручку ему в пальцы и сильно надавила. Затем положила записку рядом с ванной и как бы случайно уронила шариковую ручку. Взглянула на каминные часы, которые видны прямо из двери: 15:45. Она пробыла в номере всего сорок пять минут вместо часа, который отвела на выполнение задания, и была довольна, что управилась вовремя. А точно ничего не забыла? У нее засосало под ложечкой, словно подсказывая: да, забыла. Она на секунду застыла, мысленно перебирая список. Бритвенное лезвие! *Черт возьми*, мысленно выругала она себя, доставая из косметички новое лезвие, и вернулась в ванную. Обмакнула лезвие в запекшуюся кровь на полу и попыталась зажать между большим и указательным пальцами трупа. Однако он явно был

не в силах удержать его. После третьей попытки она сдалась, осыпая его проклятиями и наблюдая, как лезвие на долю секунды задержалось в его пальцах, прежде чем упасть в лужу крови рядом с ванной. Как и задумано, решила она.

Вернувшись в комнату, стянула резиновые перчатки, закинула в сумку, в последний раз огляделась по сторонам и пробежалась по мысленному списку. Убедившись, что ничего не упустила, достала из сумки мягкую игрушку – маленького медвежонка, кинула на кровать, взяла сумку, обулась и открыла дверь рукавом куртки.

– Прощай, Папа-Медведь, – тихо произнесла она, закрывая за собой дверь и снимая с ручки табличку «Не беспокоить».

Глава 2

Самоубийства. Неприятная у нас работа. Вы, наверное, думаете, что суицид – лишь малая толика того, с чем полицейским приходится иметь дело на службе. Но самоубийства особенно сильно выбивают меня из колеи. Я сочувствую и этим людям, которые покончили с собой, и тем, кого они оставили. Поверьте, не так давно я сам находился на грани отчаяния. И все же сердце ушло в пятки, когда позвонил мой шеф Кен Вудс.

– В люкс-отеле «Ла Реймонд» в Найтсбридже обнаружен труп. Какой-то банкир в пентхаусе. Оpoznан как Найджел Бакстер, сорок семь лет. Похоже на самоубийство.

– Почему самоубийство?

– У него перерезаны запястья, – бесстрастно поясняет Вудс. – Горничная только что обнаружила его в ванне, полной крови.

Я вешаю трубку, вздыхаю, разворачиваюсь и еду на место.

Добираюсь до отеля, горничная встречает меня вся в слезах. Она потрясена, что вполне объяснимо. Ей платят не настолько много, чтобы иметь дело с подобным дерьмом. Мне, кстати, тоже.

– Я... я нашла его сегодня утром.

Судя по акценту, она из Восточной Европы.

– Как вас зовут?

– Ирена. – Она шмыгает носом и утирается рукавом.

– Ирена, не подскажите – на двери номера была табличка «Не беспокоить»? – Я стараюсь говорить как можно мягче: бедняжка выглядит так, будто вот-вот грохнется в обморок.

– Нет... Не было, сэр... Я проверяю, прежде чем зайти.

Я киваю и делаю пометки. Рядом с горничной стоит управляющий, преисполненный собственной важности. Хотя, возможно, я слишком тороплюсь с выводами: еще одна опасность моей работы. Управляющего зовут Мартин Спенсер – не особо подходящее имечко для такого шикарного отеля.

– Стандартный двухместный номер у нас стоит около шестисот фунтов, – говорит он мне, как будто это имеет какое-то значение.

– За ночь?

Он бросает на меня взгляд.

– Да, *за ночь*. А номер в пентхаусе – около трех тысяч фунтов.

Я вскидываю бровь. За такие деньги можно ожидать, что простыни мне поменяет Анджелина Джоли.

– Мистер Бакстер был вашим постоянным клиентом?

– Нет, – резко отвечает управляющий. – Насколько мне известно, нет. Но у нас много клиентов, детектив, я незнаком со всеми лично. Однако могу еще раз проверить, бывал ли он здесь раньше.

Как любезно с его стороны.

– Не знаете, мистер Бакстер заселился один?

– Да, по словам порттье, и никто не регистрировался в качестве его гостя.

У горничной такой вид, будто ее вот-вот стошнит. Поэтому я быстро спрашиваю ее, в котором часу она вошла в номер сегодня утром. Она смотрит на своего начальника, словно просит разрешения заговорить.

– Думаю, около одиннадцати, – взвинченно отвечает она.

Сейчас 11:38. Видимо, в пентхаусе, где лежит труп, уже дежурят двое констеблей. Поэтому я киваю, спешу на лифте вверх и молюсь, чтобы они ничего не трогали.

Выхожу из лифта. Телефон пищит. У меня есть приятная догадка, кто это может быть, и я оказываюсь прав: это Ширли, девушка, с которой я познакомился в интернете. Мы встретились пару дней назад после недельного обмена любезностями в виртуальном пространстве. Те немногие женщины, с которыми я знакомился с тех пор, как после смерти Рэйчел начал онлайн-поиски счастья – если оно вообще достижимо, – были заинтригованы тем фактом, что я полицейский. Тем более детектив-полицейский. Наверное, кого-то это впечатлило. Хотя одну-двух явно оттолкнуло – наверняка у них появились мысли о долгих часах на службе, посменной работе и эмоциональном осадке, который может возникнуть при общении с убийцами, насильниками, педофилами и прочими отбросами.

Рэйчел никогда не возражала против моей работы. Она была той женщиной, с которой я собирался провести остаток дней. Она должна была стать матерью моего ребенка – или даже детей. А потом ее у меня отняли. Вот только что она была здесь, мы жили вместе – и все закончилось. Завершилось. Конец. Кусок дерьма, который врезался в ее мотоцикл, получил два года. Смерть по неосторожности в результате опасного вождения. А я и ее семья получили пожизненное заключение. Жизнь без Рэйчел. И без нашего десятидневного ребенка, который рос внутри нее.

Не читаю сообщение – оно уже вылетело из головы, едва я вхожу в номер 106. Запах смерти и духов – первое, что я замечаю. У меня острое обоняние; Рэйчел уверяла, что я могу учуять воробьиное пуканье за десять шагов.

– Здравствуйте, сэр. – Двое констеблей почтительно кивают мне.

– Мы опознали тело, на прикроватной тумбочке лежал бумажник, – добавляет констебль-мужчина.

– Хорошо. – Я еще раз осматриваюсь. – Что-нибудь еще трогали?

– Нет, сэр, – отвечает констебль-женщина, – криминалисты уже на подходе.

Я киваю:

– Хорошая работа.

Номер огромный: просторное помещение студийного типа с белыми кожаными диванами и стеклянными вазами с

зелеными яблоками. На полу – большой ковер с рисунком «зебра», на низком стеклянном столике – открытый кейс. А еще здесь шикарная кухонная зона с громадным холодильником в американском стиле для хранения льда и кучей других высококлассных прибабасов. Похоже, ни к чему не прикасались. Один из констеблей показывает мне удостоверение личности Найджела Бакстера – его водительские права. И я замечаю адрес регистрации в Челси¹⁴. Жалюзи опущены; открываю их, чтобы впустить немного света и лучше рассмотреть обстановку, перед тем как натянуть пару синих латексных перчаток. На прикроватной тумбочке вижу «ролексы», а на кровати – маленького плюшевого мишку. Кровать круглая и большая – достаточно вместительная для оргии – и выглядит так, словно на ней кто-то сидел или по крайней мере лежал: подушки сдвинуты, на простынях небольшие вмятины. На полу возле кровати валяются мужские трусы «Кельвин Кляйн»¹⁵. Похоже, их сбросили в спешке, ластовицей вверх.

Я киваю констеблю, и он ведет меня в ванную комнату. Бакстер лежит в ванне, голова запрокинута набок, глаза и рот открыты. Левая рука вся в крови от запястья и ниже свисает с края огромной ванны. Рана выглядит глубокой, и я замечаю, что она сделана вдоль. Труп обнажен. На кафеле возле

¹⁴ Фешенебельный район Лондона.

¹⁵ Американский бренд одежды, особенно известный мужским нижним бельем.

ванны много крови – капли, брызги, струйки. Несомненно, это от разрыва артерии, когда Бакстер – или кто-то другой – вскрыл запястья. Уже посиневшие пальцы ног зловеще торчат из красной воды.

– Здесь пахнет духами, – говорю я констеблю.

И услышав, как в номер заходят криминалисты, на минутку выхожу из ванной, чтобы дать указания.

– Когда все заснимете, упакуйте его вещи и медведя и опечатайте номер, ладно? Будет стандартное расследование. – Я колеблюсь. Я еще не сообразил, что к чему, но подсознательно чувствую неладное.

– Окей, и проверить все на отпечатки, да?

Одна из криминалистов поднимает на меня взгляд. Она в курсе, что это не стандартная процедура при самоубийстве.

Прибыли парамедики. Отправляю к ним констеблей. Сначала мне нужно во всем разобраться, оценить ситуацию. На полу рядом с лужей крови валяются записка, серебряная ручка и бритвенное лезвие – обычное мужское одностороннее. Оно почти все в крови, и я даю команду криминалистам упаковать его. В записке сказано: *«Моя единственная, неповторимая, прости меня, пожалуйста»* – и поцелуй вместо подписи. Там же на полу – пустая коробочка в форме сердца из-под шоколадных конфет. Все это складывают в пакет.

Осматриваю ванную и замечаю, что на вешалке только одно банное полотенце. И фланелевого не хватает. Я снова ощущаю запах духов, и у меня возникает странное ощущение

ние, будто я знаю его. Знакомый запах: интересно, не этим ли ароматом раньше пользовалась Рэйч? Она не особо увлекалась всякими девчачьими штучками и не слишком усердно ухаживала за собой, но все равно оставалась женственной даже в байкерской кожанке. И ей нравились духи. Жаль, я не так уж часто покупал их для нее.

Я рассматриваю средства для ванны и делаю пометку в блокноте спросить в отеле, не пропало ли что-нибудь. В мусорной корзине пусто.

Коронер Вик Лейтон осматривает тело. Мне нравится Вик: она эксцентричная, но дружелюбная, остроумная и очень хорошо выполняет свою работу.

– Какое предполагаемое время смерти, Вик? – интересуюсь я.

Она слегка пожимает плечами в знак приветствия. Жест, означающий – не стоит продолжать общаться в таком духе.

– Думаю, вчера днем между 14:00 и 17:50.

Я киваю:

– И что думаешь?

– Трудно сказать. Очевидно, он – или кто-то еще – был настроен решительно. Порезы вертикальные.

– Вертикальные?

– Да, вертикальные открывают большую часть вены, поэтому он истек кровью быстрее. И так сложнее остановить кровотечение, если надавить. Судя по всему, он оба раза задел артерию, но, как поется в песне, первый удар был самым

глубоким¹⁶.

Я улыбаюсь. Старая добрая Вик. До сих пор способна шутить, несмотря на омерзительное зрелище.

Парамедики начинают вытаскивать тело из ванны. Бедолаги. И тут я замечаю полотенце, засунутое трупу за спину словно для поддержки. Странно. *Зачем подтыкать себе за спину полотенце, если собираешься сделать в ванне хакари?*

Оставляю медиков делать свою работу и возвращаюсь в основное помещение. Пройдясь по комнате, ощущаю запах полироли для мебели, словно здесь делали уборку. Замечаю ведро со льдом и бутылку шампанского – одну из тех «магнумов», которые все гонщики «Формулы-1» опрокидывают в себя, когда побеждают. Я всегда считал это весьма вульгарной и грубой демонстрацией излишнего богатства. На мраморной кухонной столешнице стоит одинокий бокал, в котором осталась капля, а в ведерке со льдом рядом с бутылкой – второй, который, похоже, так и не пригодился.

Начинаю подводить итоги: есть обычная предсмертная записка, в которой ничего не сказано о том, почему Найджел Бакстер порезал себя в ванной; он заказал большую бутылку шампанского и съел шоколад – прощальный ужин? Плюшевый мишка на кровати и банное полотенце за спиной, запах

¹⁶ «Первый удар – самый сильный» – песня 1967 года британского певца Кэта Стивенса.

ароматического масла и полироли, словно здесь только что навели порядок. На первый взгляд мистер Бакстер был один и решил покончить с собой самым brutальным способом. Но вскрытие может пролить больше света. И нужно подробнее расспросить горничную и персонал отеля, проверить записи с камер наблюдения. И есть еще кое-что – в первую очередь моя интуиция, которая заставляет думать, что Бакстер находился в номере не один. С годами я привык ей доверять. Как говаривала Рэйч, я профессиональный циник.

У меня звонит телефон. Это Вудс:

– Джанет Бакстер в комнате для допросов. Пришла сообщить, что ее муж Найджел Бакстер пропал без вести. Можешь вернуться прямо сейчас?

Я вздыхаю про себя и чувствую, как из легких выходит воздух.

– Да, сэр, уже еду.

Самоубийства... ненавижу их до чертиков.

Глава 3

Джанет Бакстер выглядит как и должна выглядеть женщина, только что узнавшая, что ее муж, с которым она прожила почти двадцать лет, покончил с собой. Круглое лицо распухло и покраснело от слез, она на грани шока и полноценной истерики. Я сочувствую Джанет: мне знакомо это состояние, и оно не из приятных.

– Могу предложить вам кофе или, может быть, чай?

Она качает головой.

– Есть кто-нибудь, кому можно позвонить, Джанет? Кого бы вы хотели видеть здесь, рядом?

Она снова качает головой.

– Мой Найджел ни за что бы так не сделал. – Она икает, запахивая полы пальто и пытаясь успокоиться. – У нас двое прекрасных детей, младший только пошел в школу, а Лара... Лара уже выпускница. Эти дети были его жизнью, *мы* были его жизнью. Он был счастлив. Нет-нет, я этого не вынесу, мой Найдж никогда бы не покончил с собой!

Сейчас я стараюсь говорить как можно меньше и просто позволяю Джанет выговориться или кричать; позволяю выплеснуть часть тоски, разочарования и боли, которые бушуют у нее внутри как торнадо. Сейчас она находится в состоянии отрицания, на ранней стадии неверия: слышит слова, но их смысл пока не доходит. Я сам проходил через это, и

это чертовски больно. Но, что еще хуже, настоящие мучения впереди.

– Когда вы в последний раз видели мужа, Джанет?

– Вчера утром, перед тем как он ушел на работу. Он поцеловал меня на прощание.

– Вы не заметили ничего необычного, тревожного?

– Нет. Ничего подобного, совершенно ничего. Найджел был в хорошем настроении, все как обычно. Но когда он вечером не пришел домой, я, естественно, запаниковала. Найджел часто ездит в командировки, в основном в Японию и США, но они планируются заранее. И он всегда, всегда ставит меня в известность, – бормочет она. – Мы вместе уже больше двадцати лет, – в ее голосе неприкрытая боль, – и Найдж никогда, ни разу не отсутствовал дома, не предупредив меня.

Я понимающе киваю, пока она сквозь всхлипы продолжает рассказывать, что на следующей неделе они собирались отпраздновать свою двадцатую годовщину и устроить большую семейную вечеринку дома в Челси.

– А вместо этого я буду заниматься его похоронами. – Тут она не выдерживает.

Женщина-констебль Джилл Мюррей, которая по возрасту годится Джанет в дочери, пытается утешить ее, но все зря – и мы все трое это понимаем. Джанет кажется милой, ничем не примечательной – обычная женщина средних лет, домохозяйка и мать, преданная мужу и детям, которая в последнюю

очередь думает о себе. Я сочувствую этой женщине, потому что мы с ней знаем, хотя, конечно, не произносим вслух: после сегодняшнего дня ее жизнь уже никогда не будет прежней и изменится бесповоротно. Она точно не желала такого.

Я осторожно задаю ей вопросы, хотя мне совсем не хочется этого делать.

– Джанет, вы можете объяснить, зачем Найджел снял пентхаус в отеле «Ла Реймонд»? Он говорил вам, что будет там? У него были какие-то признаки депрессии – например, отсутствие аппетита, необычное поведение, снижение либидо? На него давили на работе? У него были финансовые или семейные проблемы или со здоровьем? Он не терял недавно близкого человека?

И на каждый вопрос получаю в ответ решительное «нет».

– Мой Найдж любил вкусно поесть, любил свою работу, даже если время от времени она его напрягала, – а кого не напрягает?

Вот почему она мне нравится. Даже сейчас она думает о других. Но теперь я должен задать вопрос, который на самом деле не хочется задавать и который всегда повергает жен в еще более темную бездну.

– Джанет, у Найджела мог быть роман на стороне?

Она снова раздражается горькими слезами, комкается, как бумага, у меня на глазах, съеживается.

Неприятная у нас работа.

– Нет! Нет, едва ли. – Ее лицо багровеет. – Мы были счаст-

ливы в браке, детектив, *во всех смыслах*, хотя медовый месяц давно прошел.

Я киваю, выдавив из себя слабую улыбку.

– Мы хорошо ладили, редко ссорились. Мы были счастливы.

Я рассказываю о записке, Джанет плачет еще сильнее. О шампанском, плюшевом медвежонке, запахе духов и полотенце не рассказываю. Об этом ей знать не нужно.

– Не знаю, что сказать детям, – говорит она скорее себе, чем мне. И я снова киваю и рассказываю Джанет о сотрудниках полиции по связям с семьями пострадавших и прошу Джилл сделать все необходимое. Хотя единственное, что действительно необходимо Джанет Бакстер, – чтобы Найджел Бакстер не покончил с собой.

– Я хочу, чтобы криминалисты проверили его компьютер, записи телефонных разговоров, тщательно изучили его расписание, – говорю я команде, вернувшейся в комнату для совещаний. – Хочу покопаться в жизни Бакстера, выяснить его передвижения, найти, что или кого он скрывал. Нужно дождаться результатов коронерского расследования, а пока я хочу получить записи с камер отеля и допросить персонал.

Команда кивает и перешептывается, готовясь к работе. По самоубийцам обычно выносят открытый вердикт¹⁷, но в слу-

¹⁷ Решение присяжных коронера в правовой системе Англии и Уэльса. Открытый вердикт означает, что присяжные подтверждают подозрительность смерти,

чае с Найджелом Бакстером что-то (помимо твердой уверенности его жены) подсказывает мне: все не так, как кажется.

И я считаю, что я прав.

Глава 4

Она поднялась по общей лестнице в свою квартиру на четвертом этаже, вся нагруженная покупками: результат дневного шопинга в Вест-Энде. Тратить деньги было приятно – она их заработала. На адреналине она взбежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Ее распирала энергия, дизайнерские фирменные пакеты в руках задевали стены и давали ощущение власти.

Сегодня она потратила больше трех с половиной тысяч за столько же часов в магазинах «Гуччи», «Виктория Сикрет»¹⁸, «Селфридж», «Олл Сэйнтс»¹⁹. Но настоящее ощущение всемогущества возникло из-за того, что произошло в «Ла Реймонд» в 106-м пентхаусе. Поразительно, как легко оказалось лишить жизни другого человека и какое истинное удовольствие она получила. Удивительно, почему она не сделала этого раньше. К тому же все сошло с рук – чем не повод отпраздновать? Она знала, что критически важны первые сорок восемь часов, но они не доставили причин для беспокойства. По крайней мере, для нее. Значит, она тщательно замела следы. Она чувствовала себя немного глупо из-за того, что в какой-то момент засомневалась в себе. Она

¹⁸ «Гуччи», «Виктория Сикрет» – модные бренды одежды.

¹⁹ «Селфридж», «Олл Сэйнтс» – британские ритейлеры модной одежды.

постаралась, чтобы на первый взгляд все выглядело как brutальное самоубийство, хотя понимала: следствие выявит истинный мотив.

Подсознательно она хотела, чтобы так и вышло. Чтобы эти ублюдки действительно начали задавать вопросы. Она постаралась замести следы ДНК, однако мысль о том, что полиция в конце концов поймет, что Папу-Медведя убили, приятно будоражила.

Она представила, как кто-то – возможно, горничная – вошел в номер 106 и застал эту ужасную картину. Стать свидетелем подобного – травма для человека. Но ей только в радость осознавать, что она таким образом повлияла на жизнь кого-то совершенно незнакомого. А вот у жены Папы-Медведя сейчас по-настоящему *серьезные проблемы*. Она на это и рассчитывала.

Почти сразу, как только они стали общаться в интернете, он признался, что женат и у него двое детей; наверняка он называл их имена и возраст, но она лишь притворялась заинтересованной и не могла вспомнить. Но теперь жалела, что не запомнила: это позволило бы представить их горе гораздо нагляднее. Умом она понимала, что должна испытывать угрызения совести, жалость или вину перед его семьей. Потому что именно это и должны чувствовать люди. Но ее подсознание было пустым, как темная бездна. Ей недоступны такие эмоции, она могла только представлять, как выглядит и что чувствует его семья. Эмоции ей заменяла визуализа-

ция. Она представила его жену, с трагическим выражением лица сгорбившуюся и плачущую у могилы и молча винившую себя. Его детей, которые поддерживали мать, вместе с ней горюя о своем жирном, никчемном отце-изменщике. И поймала себя на том, что такие мысли вызывают улыбку. В первый раз после умерщвления она подумала о его семье.

Умерщвление. Ей нравилось это слово, оно почему-то подходило больше, чем «убийство». Папа-Медведь был принесен в жертву, и его гибель вызвала у нее такую эйфорию, какой она никогда раньше не испытывала при всем своем богатом опыте девиантного, извращенного поведения. Эйфория укрепляла ее психику, заполняла пустоту внутри, и она почти чувствовала себя человеком – живым, *настоящим*.

Она задумывалась, чувствуют ли подобное остальные люди в повседневной жизни. Ее болезненная зависть к «обычной» жизни других, к их способности самим устраивать свое счастье была частью расстройства, которое заставляло ее добиваться и приманивать людей. А потом обесценивать и отшвыривать, но сначала высосать жизненные силы и добрые, радостные человеческие чувства и эмоции, оставив лишь сломанную пустую оболочку.

Однако к идее физического устранения она пришла не сразу. Это была мрачная, коварная, поэтапная фантазия, которая в извращенном сознании постепенно обростала реальными, логичными чертами. Сказка, которую нужно рассказать, – сказку, к которой она должна придумать финал и

освободиться.

Мысли о семье Папы-Медведя тут же улетучились, когда от голода свело живот. От шопинга разыгрался аппетит. Может, сегодня вечером она закажет доставку, прежде чем снова выйдет в Сеть. Она не хотела терять время, особенно сейчас, когда все удалось. Хотя и подозревала, что заполучить Маму-Медведя куда сложнее, чем поймать Папу-Медведя.

Погруженная в свои мысли, она не сразу заметила на верхней лестничной клетке женщину из квартиры напротив. У соседки было покрасневшее лицо и взволнованный вид; у ног громоздилась груда пакетов с продуктами. Женщина увидела, как она поднимается по лестнице, и почти виновато улыбнулась.

– Привет, – ответила она на улыбку соседки. Она была в хорошем, нет, просто великолепном настроении и хотела с кем-нибудь его разделить.

– Все в порядке? Вы какая-то напряженная.

Она не узнала эту женщину. Наверное, новенькая.

Соседка тяжело вздохнула.

– Я просто вышла и захлопнула дверь. – Она покачала головой, словно не веря в собственную глупость. – Что за идиотка. Не знаю, чем я думала, – смущенно отругала она себя.

– Вот же черт, правда? – Она улыбнулась, пытаясь изобразить сочувствие. – У вас нет запасных ключей?

Соседка развела руками и подняла глаза к потолку:

– Ну, это сразу приходит в голову, но нет. Запасные там. –

Она кивнула на запертую дверь.

– Упс, бедняжка.

– Хотите сказать, что я в заднице? Честно говоря, у меня вся неделя такая. – Она потрянула головой, и непослушные рыжие кудри сердито качнулись, словно тоже злились на хозяйку. – Придется вызвать слесаря, а это большие расходы.

Она кивнула:

– Да, эти парни стоят недешево. А вы не можете позвонить владельцу квартиры? У него ведь есть ключи, не так ли? – Она помогала – давала советы.

Иногда забавно притворяться человеком.

– Это моя квартира, – снова виноватым тоном сказала рыжеволосая.

Она поняла, что соседка относится к тому типу людей, которым можно наступить на ногу и в итоге именно они будут извиняться перед тобой за то, что у них есть нога. Такие *милые*. Это уже интересно.

– А, вы ее купили. Повезло. Жаль, я не могу себе такого позволить. Аренда в этом доме – просто грабеж.

– Это из-за моего развода: он сохранил дом, но не меня. Но это нормально, – быстро добавила она, явно опасаясь сболтнуть лишнее.

Она уже мысленно оценивала эту женщину и прокручивала варианты.

– Послушайте, почему бы вам не занести покупки ко мне и не подождать слесаря?

Плечи женщины заметно расслабились.

– Правда? О, это так любезно с вашей стороны. – Соседка склонила голову набок, напомним Папу-Медведя: его голова в ванне наклонилась точно так же, словно пыталась оторваться от шеи. – Только если я вас точно не отвлекаю, да? Сегодня суббота, наверняка у вас свои планы.

Она улыбнулась:

– Да, я планирую разобрать вот это, – она гордо подняла свои покупки, – заказать еду навынос и посмотреть какое-нибудь дерьмо по телику, так что никаких проблем.

Женщина уже собирала свои пакеты.

– Я так вам благодарна, спасибо.

– Дэнни-Джо, – представилась она. Какое-то время она побудет Дэнни-Джо.

– Я Карен, но друзья зовут меня Киззи.

– Приятно познакомиться, Киззи, – Дэнни-Джо потянулась за ключами, – заходите.

Глава 5

Киззи повесила трубку.

– Они приедут в течение часа, – сказала она с тем же извиняющимся выражением лица, нервно покусывая нижнюю губу выступающими передними зубами.

– Не беспокойся, – заверила Дэнни-Джо. – На самом деле, как я уже сказала, у меня не так много сегодня дел. Кроме того, приятно познакомиться с дружелюбной соседкой. Знаешь, я живу здесь уже два года, и никто ни разу со мной даже не поздоровался!

Киззи выглядела искренне удивленной:

– Правда? Но ты сама такая милая и дружелюбная.

Она изобразила скромность, слегка потупившись.

– Очень мило с твоей стороны, но я провожу здесь не так уж много времени – вечно на работе. Работа, работа, работа, – пропела она слова из песни Рианны.

Киззи сочувственно кивнула:

– И чем же ты занимаешься, Дэнни-Джо, если работаешь, работаешь, работаешь?

Придется придумывать на ходу. Она захихикала, выиграв тем самым несколько секунд:

– Я работаю в отеле недалеко от Мейфэра²⁰, но это совсем

²⁰ Район в центральном Лондоне.

неинтересно. И учусь на актрису. Хожу в театральную школу.

Да, звучит неплохо: актриса. По крайней мере, это выставляет ее интересной персоной. Она заметила, как взгляд Киззи скользнул по груде дизайнерских пакетов, сваленных в кресле, и догадалась, о чем могла подумать гостя.

– Мой отец недавно умер, он тоже был актером. Снялся в нескольких фильмах, кое-чего добился. Так что теперь, когда его не стало, на жизнь хватает.

Первая и последняя части объяснения, кстати, были правдой. Ее ублюдок-отец умер недавно. Как только она узнала через адвоката, что ей завещано все его имущество, то отпраздновала кончину бутылкой «Дом Периньон» и пиццей «Доминос». Он не был актером, хотя при необходимости вполне сносно *изображал* любящего заботливого отца. Она забрала все наследство этого монстра до последнего пенни, сразу продала семейный дом в Сербитоне и купила квартиру в Мейфэре. В том старом доме не сохранилось ничего, кроме ужасных воспоминаний – болезненных, извращенных, мрачных, – и она была счастлива избавиться от них. Там умерла ее мать. И если бы ее не увезли оттуда, то и она бы наверняка умерла.

– Мне жаль, – печально произнесла Киззи, – я понимаю, каково это – потерять любимого человека. Моя сестра умерла несколько лет назад. Рак молочной железы, ей было всего тридцать четыре.

Дэнни-Джо покачала головой:

– Как печально. Старшая или младшая сестра?

– На шесть лет младше меня. Помню, как она родилась. –

Киззи явно расстроилась. – Когда ее не стало, это заставило меня полностью пересмотреть свою жизнь.

– Так бывает, – ответила она, пытаясь угадать. *Ей около сорока. Возраст подходит.* – Отсюда и развод?

Киззи опустила взгляд на свои колени и отхлебнула горячего травяного чая.

– Прости, не хотела совать нос не в свое дело.

– Нет-нет, совсем нет, действительно, так и есть. Это были, – она неловко заерзала на мягком диване, – довольно токсичные отношения. Мне потребовалось целых семнадцать лет, чтобы наконец набраться смелости и самоуважения и уйти. После смерти Меган что-то во мне просто сказало: «Хватит». Этот человек отнял у меня лучшие годы жизни.

Жертва жестокого обращения. Понятно. Киззи явно приучили чувствовать себя невидимкой. Годы, когда ее собственные потребности игнорировались, превратили ее личность в раблепную оболочку, извиняющуюся только за то, что жива. Она пуглива, движения резкие, нервные. Киззи потянулась за печеньем на кофейном столике, почти как ребенок, который уже съел слишком много и ждет, что его отшвырнут прочь.

– У вас были общие дети? – Дэнни-Джо понимала, что задает личные вопросы, но решила, что имеет право, раз уж

Киззи сидит на диване в ее квартире, пьет травяной чай и ест «хобнобс»²¹.

– Детей нет, – тихо ответила гостья. – Я хотела, но теперь рада, что у нас их не было.

– Что ж, никогда не поздно, – беззаботно произнесла она, почувствовав, что собеседница начинает впадать в легкую меланхолию.

Киззи рассмеялась, но как-то неубедительно:

– О, я уже слишком стара для этого, и к тому же сначала нужно найти мужчину!

Дэнни-Джо усмехнулась:

– Ну, позволь заметить, этих засранцев вокруг полно.

Киззи слегка покраснела – то ли из-за грубого словца, то ли при мысли заполучить потенциальный член.

Она и представляла, что гостью увлечет эта тема.

– Может, для такой привлекательной молодой женщины, как ты, – ответила Киззи. – Но для меня?

– Не принижай себя. – На мгновение ей почти захотелось понравиться гостье. – Ты совсем не выглядишь старой.

Это была ложь: Киззи выглядела на свои сорок с лишним, если не больше. Хотя сносный макияж может поправить дело. А вот зубы – проблема: у Киззи неправильный прикус и один из передних зубов слегка перекрывал другой. Зрелище довольно неприятное. Она вдруг представила, как хватает Киззи за рыжие волосы на затылке и впечатывает лицом

²¹ Марка овсяного печенья.

в стеклянный кофейный столик, вдребезги разбивая неправильные зубы.

– Тебе стоит выйти в интернет – там охотятся много разведенных мужчин. И много женатых тоже.

– Ох, не-е-ет. – Киззи покачала головой. – У меня смелости не хватит. Все эти отказы. – Она неловко улыбнулась.

– Ну, никогда не знаешь наверняка, даже этот слесарь может оказаться «тем самым».

– Я восхищаюсь твоим позитивом, – ответила гостя.

Позитив. Такое ей сказали впервые. Ей правда начала нравиться компания странной соседки. Киззи отчетливо видела превосходство Дэнни-Джо во всем: она красивее, талантливее, остроумнее, моложе, увереннее в себе. Она наслаждалась своим отражением в зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.